

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений
в тринадцати томах

Редакционный совет
*П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов,
С. В. Казачков, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман,
В. А. Подорога, В. А. Попов,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
В. С. Стётин, И. А. Эбанюидзе*

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений

Шестой том

Сумерки идолов
Антихрист
Ессе homo
Дионисовы дифирамбы
Ницше contra Вагнер

Перевод с немецкого

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2009

ББК 87.3 Герм
Н70

Сверка, научное редактирование, общая редакция

И.А. Эбаноидзе

Перевод Ю.М. Антоновский, Я.Э. Голосовкер,

А.В. Карельский, В.Б. Микушевич, А.В. Михайлов,

Н.Н. Полилов, К.А. Свасьян, И.А. Эбаноидзе

Оформление И. Бернштейн

Ницше, Фридрих.

Н70 Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.— М.: Культурная революция, 2005—

Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Я.Э. Голосовкера и др.; науч. ред. И.А. Эбаноидзе. — 2009. — 408 с. — ISBN 978-5-250-06071-4.

В шестой том полного собрания сочинений Ф. Ницше вошли наиболее поздние его произведения, созданные во второй половине 1888 года. «Сумерки идолов» публикуются в переводе Н.Н. Полилова, который был тщательно сверен и отредактирован. Текст «Ессе homo» подготовлен на основе перевода Ю.М. Антоновского, в который добавлены фрагменты нового перевода, в том числе те фрагменты рукописи Ницше, которые впервые увидели свет лишь в рамках немецкого академического собрания сочинений Ницше под редакцией Д. Колли и М. Монтинари. «Антихрист» публикуется в переводе А.В. Михайлова (озаглавленном переводчиком «Антихристианин») с учетом редактуры и с добавлением мест, опущенных в немецком издании 1906 г. «Дионисовы дифирамбы» и «Ницше contra Вагнер» в полном и аутентичном виде публикуются на русском впервые.

В комментариях к тому детально освещена как история создания произведений, так и история фальсификации и воссоздания некоторых фрагментов подлинных текстов Ницше.

© Культурная революция, 2009

© А.В. Карельский, наследники; В.Б. Микушевич; А.В. Михайлов, наследники; К.А. Свасьян; И.А. Эбаноидзе. Перевод, 2009

© И.А. Эбаноидзе. Редакция перевода, 2009

© И.А. Эбаноидзе. Подготовка комментария, 2009

© И. Бернштейн. Оформление, 2009

285 Дионисовы дифирамбы

Паяц – и только! Поэт – и только!

(пер. Я. Голосовкера)	287
В кругу дочерей пустыни (пер. Я. Голосовкера).....	291
Последняя воля (пер. И. Эбаноидзе)	297
Меж коршунов (пер. А. Карельского)	298
Огненный знак (пер. В. Микушевича)	
/ Сигнальный огонь (пер. А. Карельского).....	301
Садится солнце (пер. А. Карельского)	303
Жалоба Ариадны (пер. В. Микушевича).....	305
Слава и вечность (пер. А. Карельского).....	309
О бедности богатейшего (пер. И. Эбаноидзе)	313

Дионисовы дифирамбы

Паяц – и только! Поэт – и только!

Когда яснее воздух¹,
когда роса отрадой
на землю ниспадает,
незримо, так неслышно –
ах, нежны башмачки
росы-отрады, как у отрадно-кротких –
ты помнишь ли, ты помнишь, сердце, дни,
когда алкало ты
слезинок небесных и росных капель,
палимое, алкало ты,
пока по желтым тропам трав
злбно вечерние взоры солнца
сквозь чернь деревьев пробегали,
знойно-слепящие взоры, так злорадно?

«Поборник *правды*? Ты? – глумились так –
о, нет! поэт, и только!
зверь, крадущийся, кровожадный, коварный,
рожденный лгать,
надуманно, продуманно, – но лгать:
алкать добычи,
в пестрой маске,
сам себе маска,
сам себе добыча –
и *он* – поборник правды?..
О, нет! Паяц – и только! Поэт – и только!
Пестроречивый,
паяц под маской пестрокрикливый,
пронырливый – по лживым мостам слов,
по пестрым радугам,

¹ У Голосовкера вступительный оборот скопирован с немецкого *Bei abgehellter Luft*, что привело к грамматически недопустимому, на наш взгляд, «При ясном воздухе». – *Прим. ред.*

между мнимым небом
и мнимой землею
парящий, скользящий –
паяц – *и только!*
Поэт – *и только!*

И он – поборник правды?..

Не молчаливый, холодный, гладкий, стылый,
нет, не икона,
и не столп бога,
не выставлен пред храмом,
как привратник бога:
нет! Враг подобным идолам-истинам,
в любой пустыне дома, но не пред храмом,
с задором кошки
прыжком в окно любое
шмыг! в любой случай,
к любым джунглям принохиваясь,
жадно-прежадно принохиваясь,
чтобы ты по джунглям мог
меж пятнистых-пестрых хищников
грешно-здоровым и пестрым бегать,
красивый,
с губой похотливой,
блаженно-глумливый,
блаженно-адский, блаженно-алчный,
хищно, зорко ползать, бегать...

Или как орел – глядит он долго,
долго в пропасти, оцепенев:
в *свои* же пропасти...
О, как они кручей здесь,
срывом на срыв,
глубью за глубию все глубже змеятся! –
Вдруг
с налету, стремглав
крылья на срез, упав,
когтит *ягненка*,
разом, в голоде яром,

ягнятток алча,
злобясь на ягнячьи души,
злобно злобясь на всех, кто глядит
по-овечьи, ягнячьи, кудлато-шерстно,
серо, с ягнячье-овечьим шелкошерстием!¹

Итак,
орлины, пантерины
те томления поэта,
те *твои* томленья под тысячью масок,
ты, о паяц! ты, о поэт!..

Ты в человеке видел
равно *овцу* и *бога* – :
бога терзать в человеке,
как овцу в человеке,
и терзая смеяться –

вот оно, твое блаженство,
орла и пантеры блаженство,
паяца и поэта блаженство!..»

Когда яснее воздух,
когда серп месяца,
зеленый меж багрян,
завистливо скользит:
– враждебен дню,
при каждом шаге тайно
срезая роз гирлянды,
пока не сникнут розы,
не сникнут розы бледно к склону ночи:
так сник и я когда-то
в моем безумье истины,
в моем денном томлении,

¹ в оригинале: *mit Lammsmilch-Wohlwollen*, букв. «с молочно-ягнячьей доброжелательностью». Однако Wohlwollen перекликается, причем удвоенно перекликается, с Wolle – «шерстью». Именно эту перекличку подчеркивает Голосовкер, опуская при этом собственное значение слова. – *Прим. ред.*

устав от дня, больной от света,
– сникал я к вечеру, сникал я к тени,
спаленный истиной,
в жажде истины:
– ты помнишь ли, ты помнишь, сердце, дни –
когда алкало ты? –
*Ах я изгнанник
от света истины!*
Паяц, и только!
Поэт, и только!

В кругу дочерей пустыни

1.

«Не уходи от нас! – сказал тут странник, который называл себя тенью Заратустры, – останься с нами, не то снова найдет на нас былая мрачная унылость.

Уже дал нам вкусить этот старый кудесник наихудшее из благ твоих, и вот, взгляни, уже у доброго благочестивого папы слезы в глазах, и он уж совсем было собрался поплыть по морю тоски-уныния.

Пусть эти короли надевают на себя личину веселья перед нами: но не будь здесь свидетелей, бьюсь от заклад, и у них возобновилась бы былая недобрая игра,

– недобрая игра волочащихся облаков, влажной унылости, хмурого неба, украденных солнц, завывающих осенних ветров,

– недобрая игра нашего завывания и крика в беде о помощи: останься с нами, Заратустра! Здесь много скрытого отчаянья, оно хочет высказаться, много вечернего сумрака, много облачности, много спертого воздуха!

Ты накормил нас ядерной мужней пищей и крутыми речениями: не допусти же, чтобы на нас под конец трапезы¹ опять напали изнеженные женственные духи!

Только ты делаешь воздух вокруг себя ядерным и ясным! Встречался ли мне когда на земле столь здоровый воздух, как у тебя в берлоге?

А видел я немало всяких стран, мой нос научился исследовать и оценивать всяческий воздух: но у тебя пьют мои ноздри свою высшую усладу!

Разве только, – о разве только, – о прости мне одно давнее воспоминание! Прости мне одну давнюю застоль-

¹ в ориг.: *zum Nachtisch*. У Голосовкера ошибочно стоит: «при застолье». – Прим. ред.

ную песнь, которую некогда сочинил я среди дочерей пустыни.

И у них был такой же здоровый светлый восточно-утренний воздух; там был я наиболее отдален от облачной влажной уныло-тоскливой Старой Европы!

Тогда любил я таких дев востока и иные, лазурные небеса, над которыми не нависают ни тучи, ни думы.

Вы не поверите, как они мило сидели, когда не плясали, глубокие, но бессмысленные, словно маленькие тайны, словно лентами увитые загадки, словно орехи к застолью, —

правда, пестрые и чуждые! Но безоблачные: загадки, которые не трудно разгадать. Из любви к таким девам сочинил я тогда застольный псалом».

Так говорил странник, называвший себя тенью Заратустры; и прежде чем успел кто ответить ему, он уже ухватил арфу старого кудесника, скрестил ноги и оглядел всех важно и мудро: — ноздрями же он вопросительно-медленно втягивал воздух, как тот, кто в новых странах пробует новый воздух. Затем, подвывая, начал он петь.

2.

Растет пустыня виширь: увьы тому, кто затаил пустыни!..

3.

– Торжественно!
 Да, да, торжественно!
 Достойный приступ!
 Торжественно по-африкански!
 Достойно льва
 или моральной обезьяны-ревуна...
 – но ничто для вас,
 о вы, прелестные подруги,
 у ваших ножек мне,
 европейцу, у подножья пальм
 сидеть позволено. Селя.

И впрямь чудесно!
Так вот сижу я,
к пустыне близко и опять
так далеко от пустыни,
сам унесен в пустынность:
то есть проглоченный
вот этой крошкой-оазисом
– она как раз зевая
разинула рот свой,
благоуханнейший ротик:
туда я упал,
пропал, проник – прямо к вам,
о вы, прелестные подруги! Селя.

Хвала, хвала тому киту,
если благоденствовал так же¹
гость его! – Ясен вам
сей мой намек от учености?
Хвала его брюху,
если было
столь же миленьким оазисом-брюхом
оно, как это: что беру под сомненье.
Потому и прибыл я из Европы:
она же мнительнее всех прочих дамочек.
Да спасет ее Бог!
Аминь!

Так вот сижу я
в этом малом оазисе,
словно финик я,
бурый, сахарный, золотой, бухлый,
так алча кротко рта красотки,
а больше – зубок красотки-девы,
тех льдистых, острых, белоснежных
кусачек; каждый горячий
финик сердцем по ним сгорает. Селя.

1 У Голосовкера: «если не благоденствовал так». – Прим. ред.

Вот с такими плодами
сходный, слишком сходный,
Лежу я здесь, жучками
крылатыми
ороем, обжужжен.
Равно и теми точечными,
глупенькими, грешненькими
из вздоров и затей, –
и вами осажден,
о вы, немые, чающие
красотки-кошки,
Дуду и Зулейка,
– *осфинксен* – так-то в слово
много чувств вложил я
(да простит мне Бог
словоковерканье!..)
– здесь сию и лучший воздух нюхаю,
впрямь, райский воздух,
светлый, легкий воздух, злато-полосный,
воздух, какой в кои веки
ронял на землю месяц, –
пусть случайно,
иль то случилось от своеволия,
если верить древним поэтам?
Я ж усомнившийся и здесь –
я сомневаюсь,
потому и прибыл я из Европы,
она же мнительнее всех прочих дамочек.
Да спасет ее Бог!
Аминь!

Прекрасный воздух впивая
и ноздри раздув бокалом,
Без грядущего, без воспоминаний
Сию я здесь, весь,
о вы, прелестные подруги,
И вот на пальму смотрю,
Как она танцоркой вдруг
стан согнет, разогнет и бедром качнет
– самому не утерпеть, коль долго смотреть –

ах, танцоркой она, как мне кажется,
всегда, всегда, так долго, долго
все стояла только на *одной* ноге?
Так забыла, стоймя, как мне кажется,
О *другой* ноге?
По крайней мере я
тщетно искал утрату –
где же клад-близнец,
где вторая нога –
в том священном соседстве
ее премиленькой, прехорошенькой
всерно-взлетной и блестящей юбочки?
Да, коль вы мне, о, красотки-подруги,
Готовы верить сполна:
она *потеряла* ее...
Ах, нет ее!
Не будет ее!
Другой ноги!
О, как мне жаль прелестной другой ноги!
Куда бы ей деться и грустить позабытой?
Ноге одинокой?
Быть может, в страхе перед
злым белокурым
львом-зверюгой? – А вдруг она
обгрызена, обглодана –
о жуть! Увы! Увы! обглодана! Селя.

Не плачьте же,
Вы, мягкие сердца!
Не плачьте, вы,
О, финики-сердца!
Сосцы молочные!
Сердца-лакрицы-
сумочки.
Будь мужем, Зулейка!
Мужайся! мужайся!
Не плачь же больше,
бледная Дуду!
– Иль уместно здесь
подкрепительное,

душекрепительное?
Елейная притча?
Торжественная треба?..

Эй, сюда! важность!
Дуй же, дуй же снова,
раздувальный мех
добродетелей!
Эй!
Еще раз рыкнем,
Морально рыкнем!
Словно моральный лев,
пред лицом дочерей пустыни рыкнем!
– Ибо вой добродетели,
вы, прелестные девушки,
куда там больше
жара души европейца,
жадной тоски европейца!
Вот стою я уже,
как европеец,
не могу иначе,
да поможет мне Бог!
Аминь!

* * *

Пустыня ширится, увы тому, в ком затаилась
и растет пустыня!
Крошится камень, становясь песком;
пустыня всё поглотит, всё в ней сгинет.
Пылает смерти черный горизонт,
и смерть *жует*, – лишь так она живет...

*Не забывай средь похотливой суеты:
Пустыня, камень, смерть – всё это ты! ...*

1 Последних 6 строк в «Так говорил Заратустра» нет, они добавлены позднее. Приводятся в пер. И. Эбаноидзе.

Последняя воля

Погибнуть так,
как он погиб когда-то, –
друг, божественные молнии и взоры
бросивший в мою темную юность,
– мужественный и глубокий,
танцор среди сражения,

среди воинов – беззаботный,
среди победителей – опечаленный,
судьбою вставший на судьбу свою,
твердо, задумчиво, преддумчиво, –

содрагаясь от того, *что* победил,
ликуя от того, что победил, *умирая*, –

приказывая, когда умирал,
– и приказ его гласил: *уничтожьте...*

Погибнуть так,
как он погиб когда-то:
побеждая, *уничтожая...*

Меж коршунов

Кто захочет здесь вниз,
как мгновенно
канет он в бездну!
– Но ты, Заратустра,
бездны все еще любишь,
как вон та *сосна*? –

Она-то пустит корни,
где содрогнется от страха
даже утес;
она-то медлит над бездной,
где всё окрест
рвется вниз:
меж нетерпением
водопадов буйных и камнепадов
ждет она терпеливо, сурово, безмолвно,
одинокко...

Одиноко!
Да и кто решится
гостем здесь быть,
твоим гостем?..
Коршун разве –
налетит и злорадно
вцепится в волосы
стойкому терпеливцу –
с хохотом диким,
с хохотом хищным...

«*К чему* эта стойкость? –
глумится жестокий. –
Любишь бездны – имей крылья!
Что ж ты повис тут,
висельник жалкий?»

О Заратустра,
грозный Нимрод!
Вчера еще – зверолов Господень,
силок для праведников,
зла стреловержец!
А нынче –
сам собою загнан,
себя самого добыча,
себя самого жертва...

Нынче –
в одиночестве с самим собою,
вдвоем с собственным знаньем,
меж сотен зеркал
сам себе неведом,
меж сотен воспоминаний
потерян,
от каждой раны уставший,
от каждой стужи продрогший,
в собственных путях хрипящий, –
Себя самого познавший!
Себя самого казнивший!

Зачем ты опутал себя
собственной мудрости вервью?
Зачем заманил себя
в рай древнего змея?
Зачем ты заполз в себя,
в себя самого?..

И вот – всего лишь больной,
что отравлен змеиным ядом,
и вот – всего лишь пленник,
что вытянул худший жребий:
в собственной копи,
вечно согбенному,
в себе замурованному,
в себя зарываться...
Беспомощный,
окостеневший,

всего лишь труп, погребенный
под стократной ношей,
собственной тяжести ношей, –
знающий!
себя самого узнавший!
мудрец – Заратустра!..

Ты искал тягчайшую ношу
и нашел *себя*
и себя ты с себя уж не сбросишь...

Затравлен,
придавлен,
в полный рост ты уже не встанешь!
Да еще и срастешься со своим гробом,
дух-горбун!..

А вчера еще был так горд,
так надменно витал над миром
на котурнах, как на ходулях!
Вчера еще – гордый отшельник,
в уединенье без Бога,
наедине с дьяволом,
принц в пурпуре спеси!..

И вот –
меж Ничем и Ничем
сдавлен, согбен
вопросительным знаком,
усталой загадкой,
загадкой для *коришунгов...*

уж они тебя «разрешат»,
они уж алчут твоего «разрешенья»,
твоего разложения,
уж кружат над тобой, над своей загадкой,
над твоей виселицей!..
О Заратустра!..
Себя самого познавший!..
Себя самого казнивший!..

Огненный знак¹

Здесь, где среди морей возник остров,
камень-жертвенник обрывисто-высокий,
здесь под черным небом зажигает
Заратустра свои зенитные костры,
огненные знаки для мореплавателей хитрых,
вопросительные знаки для хранителей ответа.

Это пламя с бело-седым брюхом
– в холодных далях извивается его похоть,
его шея вытягивается в поисках чистейших высот –
змея, прыгнувшая вверх в нетерпенье:
вой мой знак, воздвигнутый мною передо мною.

Сама моя душа – это пламя;
ненасытно вождедея новых далей,
все выше и выше разгорается ее тихий жар.
Почему бежал Заратустра от человека и зверя?
Почему он оттолкнулся от всякой тверди?
Он уже изведал *шесть* одиночеств,
но и море для него слишком людно,
и его вознес остров, и он сам на горé пламя,
и метнул он крючок над головой,
выживая *седьмое* одиночество.

Хитрые мореплаватели! Осколки старых звезд!
Вы моря будущего! Небеса неизведанные!
Я пловец всех одиночеств, для них мой крючок:
отзовитесь на нетерпение пламени;
мне, рыбаку высокогорному, дайте выудить
мое седьмое, *последнее* одиночество! –

¹ Стихотворение Das Feuerzeichen мы приводим сразу в двух переводах: В.Б. Микушевича («Огненный знак») и А.В. Карельского («Сигнальный огонь»). См. комментарий.

Сигнальный огонь¹

Здесь, где в лоне морей вырос остров,
за ночь взнесенный жертвенный камень,
здесь под черными небесами
зажигает свои огни Заратустра,
сигнальные знаки для заблудших пловцов,
знаки вопроса для знающих ответы...

Это пламя с пепельным чревом –
языки его алчут холодных далей,
оно тянет шею к чистейшим высям,
как змея, выпрямившаяся от нетерпенья, –
вот этот знак я возвел пред собой.

То сама душа моя пылает:
в ненасытной жажде новых далей
все вперед устремляется тихое пламя.
Для чего бежал зверей и людей Заратустра?
Для чего оставил твердую почву?
Шесть одиночеств он уже знает,
но даже одиночества моря ему было мало,
острова было мало, и вот на горé он – пламя,
и в поисках *седьмого* одиночества
к небесам забрасывает невод.

О пловцы заблудшие! О древних звезд осколки!
Вы, моря грядущего! Сокрытые тайны неба!
Здесь ловец одиночеств закинул невод:
так ответьте ж нетерпенью пламени,
поймайте мне, ловцу на горах высоких,
мое седьмое, *последнее* одиночество!

¹ Перевод А.В. Карельского. См. сноску на пред. странице.

Садится солнце

1.

Недолго жаждать тебе,
сгоревшее сердце!
Обетованье, разлитое в воздухе,
из уст неведомых на меня дохнуло
великой прохладой...

В полдень жарким было мое солнце.
Тем желанней мне мои пришельцы –
вы, внезапные ветры,
послеполуденные зябкие духи!

Воздух так чужд и чист.
Не метнула ль на меня искоса
свой взор манящий
искусительница-ночь?..
Мужайся, отважное сердце!
Не спрашивай: зачем? –

2.

День моей жизни!
Садится солнце.
И уже позолочен
ровный поток.
Дышит скала теплом:
верно, в полдень на ней
счастье вкушало свой сон полдневный?
Вон оно еще брезжит
зеленью отсветов над бурой бездной.

День моей жизни!
Уж близок вечер!
уж око твое мерцает
 полузатменно,
уж скатились первые слезы
 твоей росы,
уж стелется над бледными морями
любви твоей притихший пурпур,
кроткий свет последнего блаженства...

3.

Ясность, приди, золотая!
 Близкой смерти
сокровеннейшее, сладчайшее предвкушенье!
– Верно, я слишком спешил?
И лишь теперь, как устал,
 взор твой настиг меня,
 восторг твой настиг меня.

Волн и бликов игра.
 Всякая тяжесть в былом
канула в синь забвенья,
 праздно колышется челн.
Словно б и не было верст и бурь!
 Желанья лежат на дне.
 На душе, как на море, гладь.

Одиночество седьмое мое!
 Впервые так близок мне
желанный причал,
и улыбка солнце тепла.
– Что там пылает еще?
Не снега ли моих вершин?
 Серебристой рыбой, легка,
 отправляется в путь ладья...

Жалоба Ариадны

Кто обогреет меня, кто еще любит меня?
Где горячие руки?
Где сердце-жаровня?
Простерта в ужасе,
как будто коченея (кто мне согреет ноги?)
в немыслимом ознобе,
содрагаясь от острых, ледяных, студеных стрел,
твоих стрел, Помысел!
Не произнести твоего имени! Потаенный! Жуткий!
Охотник заоблачный!
Тобою пронизанная,
ты язвительный глаз, пронзающий меня из тьмы!
Убиваюсь,
извиваюсь, корчусь, охваченная
всеми вечными муками,
сраженная
тобой, лютый ловчий,
ты неведомый – Бог...

Рань меня глубже,
рань, как раньше!
Пронзи, порази мое сердце!
Разве укусы стрел тупозубых –
казнь для меня?
Зачем ты снова смотришь,
не уставая от моей человеческой муки,
сладожестокими, божественными,
молниеносными глазами?

Ты убивать не хочешь,
а только мучить, мучить?
За что – *меня* мучить,
ты сладожестоким, неведомым Богом?

Ха-ха!
Ты подкрался
в такую полночь?
Чего ты хочешь?
Скажи!
Ты давишь, душишь!
Ах, слишком близко!
Ты слышишь мое дыхание,
ты подслушиваешь сердце,
ревнивец!
К кому ревнуешь?
Прочь! прочь!
Зачем здесь лестница?
Ты хочешь *внутрь*
пробраться, в сердце,
в мои затаеннейшие
мысли пробраться?
Бесстыдный! Неведомый! Вор!
Что хочешь ты выкрасть?
Что хочешь ты вызнать?
Что хочешь ты вырвать,
мой враг?
Ты бог – истязатель!
Или ползти мне
к тебе по-собачьи?
Вне себя преданно и вдохновенно
влиять – любовью?
Напрасно!
Язви меня!
Лютейшее жало!
Нет, я не собака, я дичь,
ты, лютый ловчий!
Я твоя гордая добыча,
ты, заоблачный хищник..
Ответь наконец!
Ты, молниеносец! Неведомый! Отвечай!
Ты, пугегонитель, что хочешь ты – от меня?

Что?
Выкупа?

Выкупа хочешь ты?
Требуй побольше – в этом гордость моя!
Слов поменьше – другая гордость моя!

Ха-ха!
Меня хочешь ты? меня?
Меня – всю?..

Ха-ха!
Истязаеть меня ты, дурак (а кто ты еще?),
терзаешь гордость мою?
Дай мне *любовь* – кто еще согреет меня?
Кто еще любит меня?
Дай горячие руки,
дай сердце-жаровню,
дай мне в моем одиночестве,
когда меня заставляет лед,
ах! лед семикратный,
жаждать хотя бы врага,
дай, отдай,
враг лютейший,
мне – *тебя!*..

Прочь!
И он убежал,
мой товарищ единственный,
мой великий противник,
мой неведомый,
мой бог-истязатель!..
Нет!
Воротись!
Со всеми твоими пытками!
К тебе текут мои слезы,
когда с тобою мы врозь,
и напоследок сердце
ради тебя зажглось.
Вернись, мой неведомый Бог,
вернись, моя *боль*,
вернись, мой последний вздох!..

Молния. Дионис является в изумрудной красоте.

Дионис:

Образумься, Ариадна!..

Малы уши твои, мои уши твои:

умное слово вмести!

Если не ненавидишь себя, как любить?..

Я твой лабиринт...

Слава и вечность

1.

И давно ты сидишь
на своем злосчастье?
Как бы тебе не высидеть
яйцо,
яйцо с василиском
из долгой твоей хандры!

Что там крадется Заратустра по ущельям?

Изъявленный, недоверчивый, угрюмый,
соглядатай давний –
и вдруг – удар
молнии, яркий, страшный,
удар из бездны в небо –
сотрясается самой горы
чрево...

Где слились в одно
ненависть и молнии стрела,
где грянуло *проклятье* –
на горах теперь ютится Заратустры гнев,
грозовою тучей крадется по кручам.

Зарывайтесь же в последнюю перину!
Марш в постель, неженки!
Своды полнятся раскатами громов,
стены ходят ходуном и скрепы –
Заратустра изрыгает *проклятья*...

2.

О, разменная мелочь мира,
слава, –
лишь в перчатках я коснусь монеты этой,
с отвращеньем *раздавлю* ее ногою.

Кто там жаждет оплаты?
Лишь продажный...
На лотке разложен, он хватает
жирными руками
жестяную побрякушку славы.

– *Хочешь* купить их?
Они все продаются.
Только цену назначь побольше!
Побренчи тугой мошною!
Иначе ты *придашь* им *весу*,
придашь весу их *добродетели*...

Они все добродетельны.
Слава с добродетелью – не разлить водою.
Мир со дня своего основания
платит за трезвон добродетели
трескотней славы.
Мир *живет* этим гвалтом...

Перед всеми добродетельными
хочу быть виноватым,
виноватым самой тяжелой виною!
Перед всеми горланами славы
стань червем, мое честолюбье!
Меж такими у меня одно желанье –
стать *самым ничтожным*...

О, разменная мелочь мира,
слава, –
лишь в перчатках я коснусь монеты этой,
с отвращеньем *раздавлю* ее ногою.

3.

Тише! –
Обо всем великом – я *зрю* величье! –
надо молчать
или – вещать:
вещай же,
моя восторженная мудрость!

Подымаю взор –
там раскинулись моря света:
– о ночь, о тишина, о гробовой гул!..

Я знак узрел:
из самых дальних далей
ко мне нисходит, медленно мерцая,
созвездье...

4.

О высшее созвездье бытия!
О вечных символов скрижаль!
Ты – ко мне нисходишь?
Чего не зрел никто –
твоя немая красота –
как? взоров не бежит она моих?

О печать непреложности!
О вечных символов скрижаль!
Уж ты-то знаешь,
что они все ненавидят,
что один я люблю:
твою *вечность*,
твою *непреложность*!
Вечно разжигает мою любовь
лишь она – непреложность.

О печать непреложности!
О высшее созвездье бытия! –

кого не достигает желанье,
кого не пятнает ничье «Нет», –
вечное «Да» бытия!
Навечно я – твое «Да»:
ибо я люблю тебя, Вечность!

О бедности богатейшего

Прошло десять лет, –
ни капли меня не коснулось,
ни влажного ветерка, ни росинки любви
– земля без дождей...
Теперь я прошу свою мудрость,
среди засухи этой скупую не быть:
излейся сама, сама упади росой,
сама стань дождем пожелтевшей пустыни!

Однажды прогнал я тучи
прочь от моих вершин, –
«больше света, вы, скопления тьмы!», сказал им.
Сегодня маню их назад:
сгустите тьму вокруг меня своими сосцами!
– Хочу подоить вас,
вы, коровы высот!
парную мудрость, росную сладость любви
я разолью над землей.

Прочь, прочь, те истины,
что мрачно глядят!
Не желаю я на вершинах своих
горькие, нетерпеливые истины видеть.
Златой осиянна улыбкой,
напитана сладостью солнца, с румянцем любви,
пусть придет ко мне истина нынче, –
только *зрелую* истину сорву я с дерев.

Ныне я руку тяну
к кудряшкам случая,
довольно научен, чтоб случай,
словно дитя, за ручку вести,
и переиграть играючи.

Ныне буду я гостеприимен
к неожиданному,
против самой судьбы ощетиниваться не стану
– Заратустра не ёж.

Душа моя
ненасытным своим языком
распробовала уже и хорошее и дурное,
во все глубины нырнула она.
Но всякий раз, пробкой,
снова всплывала наверх.
Лоснится она на бронзово-смуглых волнах:
из-за этой-то души называют меня счастливецем.

Кто мне мать и отец?
Не отец ли мне принц Изобилье,
а мать – радостный смех?
Не их ли союз породил
меня, диковинную загадку,
меня, светлого демона,
меня, расточителя мудрости Заратустру?

Болен нежностью ныне
и влажным ветром,
сидит Заратустра и ждет, ждет на своих горах,
сварившийся и налившийся сладостью
в собственном соку,
под вершиной своей,
под льдом своим,
усталый и блаженный,
творец на седьмой день творенья.

– Тихе!
Истина проплывает надо мной,
словно облако, –
невидимыми молниями бьет она в меня.
По широким медленным лестницам
сходит ко мне ее счастье:
приди, о приди, возлюбленная истина!

– Тише!
Вот она, моя истина! –
Из медлящих глаз,
из бархатного трепета
разит меня ее взгляд,
милый, язвящий девичий взгляд...
Она угадала, в чем мое счастье,
она разгадала меня – эй! что это она задумала? –
Огненно затаился дракон
в бездне ее девичьего взора.

– Тише! Моя истина говорит! –

Горе тебе, Заратустра!
Ты похож на того,
Кто золото проглотил:
тебе еще вспорют брюхо!..

Слишком уж ты богат,
ты, развратитель многих!
Слишком многих делаешь ты завистниками,
слишком многих делаешь бедняками...
На меня саму тень бросает твой свет, –
меня бросает в озноб: прочь уйди, ты, богач,
прочь, Заратустра, из твоего солнца!..

Ты мог бы всем раздарить свой излишек,
но сам ты – излишество!
Пойми ты, богач!
Сперва раздари себя самого, о Заратустра!

Прошло десять лет, –
и ни капли тебя не коснулось?
ни влажного ветерка? ни росинки любви?
Но кто же *мог бы* любить тебя,
ты, богатейший?
Счастье твое все иссушает вокруг,
безлюбыми делает
– землей *без дождей*...

Никто тебе не благодарен.
Но ты благодарен всякому,
кто у тебя берет:
тебя узнаю я в этом,
ты, богатейший,
ты, *беднейший* из всех богачей!

Ты в жертву приносишь себя, тебя *мучит*
твое богатство, –
ты себя раздаешь,
ты себя не жалеешь, ты не любишь себя:
все время терзаем великой мукой,
мукой *переполненных* житниц, *переполненного* сердца –
но никто тебе не благодарен...

Беднее должен ты стать,
неразумный мудрец,
коль хочешь любимым быть.
Любят только страдальцев,
любовь дают только голодным:
сперва раздави себя самого, о Заратустра!

– Я – твоя истина...

Приложение

Список сокращений

Произведения

- А – «Антихрист».
ВН – «Веселая наука».
ГМ – «К генеалогии морали».
ДД – «Дионисовы дифирамбы».
ДШ – «Давид Штраус как писатель и исповедник».
ЕН – «Ессе homo».
НСВ – «Ницше contra Вагнер».
ПСДЗ – «По ту сторону добра и зла»
РВБ – «Рихард Вагнер в Байройте»
СВ – «Случай “Вагнер”».
СЕТ – приложение к ЧСЧ «Странник и его тень».
СИ – «Сумерки идолов».
СМИ – приложение к ЧСЧ «Смешанные мнения и изречения».
ТГЗ – «Так говорил Заратустра».
УЗ – «Утренняя заря».
ЧСЧ – «Человеческое, слишком человеческое».
ШВ – «Шопенгауэр как воспитатель».

Издания Ницше

- АМ – Ф. Ницше. Антихристианин. Пер А. Михайлова. В: «Сумерки богов». М.: «Политиздат», 1989. Сс. 17–93.
КСВ – Ф. Ницше. Сочинения в 2 т. М.: «Мысль», 1990. Под ред. К. Свасьяна.
НП – Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007. Пер. и сост. И. Эбаноидзе.
ПСС – Ф. Ницше. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М., «Культурная революция», 2005–. Ссылки на ТГЗ (4-й том ПСС) даются с указанием номеров строк (стр.).
KSA – Friedrich Nietzsche. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. De Gruyter, 1999.
NWZ – Erich F. Podach. Friedrich Nietzsches Werke des Zusammenbruchs. Heidelberg: Wolfgang Rothe Verlag, 1961.

Специальные обозначения, используемые в комментариях

Dm (Druckmanuskript) – рукопись для печати, на основе которой делается первое издание.

Rs (Reinschrift) – чистовая рукопись, предшествующая рукописи для печати.

GSA – архив Гёте и Шиллера (Goethe-Schiller-Archiv) в Веймаре.

КиМ – Д. Колли и М. Монтинари.

- – пропущенные слова в рукописи.
- – – незаконченная фраза в рукописи.
- / – конец строки в рукописи.

Дионисовы дифирамбы

В ранних редакциях ЕН в прологе («*В этот совершенный день*») фигурировало произведение под названием «*Песни Заратустры*». 27 ноября 1888 г. Н. отправил неизвестному (издателю?) письмо со списком из девяти пунктов, в котором три последние пустуют, а в шести первых перечислены стихотворения из будущих ДД (см. НП, с. 346). Это те

самые стихотворения, наброски к которым Н. летом 1888 г. собрал в новую тетрадь (W II 10) – «*Солнце садится*», «*Меж кориунов*», «*О бедности богатейшего*», «*Слава и вечность*», «*Огненный знак*» и добавленная к ним более ранняя по происхождению «*Последняя воля*».

На определенных этапах работы над ЕН и НСВ в декабре 1888 г. Ницше предназначал для этих произведений два из вышеназванных стихотворений. 15 декабря он отправил в Лейпциг рукопись НСВ вместе со стихотворением «*О бедности богатейшего*», а 29 декабря – стихотворение «*Слава и вечность*» в качестве концовки ЕН.

Между 29 декабря и 2 января Н. затребовал, однако, эти стихотворения из Лейпцига обратно. Очевидно, именно в эти дни возникла Dm собственно «Дионисовых дифирамбов». Об этой датировке, в частности, свидетельствует посвящение французскому поэту Катуллу Мендесу: *Восемь Inedita et inaudita, переданные моему другу и сатиру, творцу «Изолины»: пусть он передаст мой дар человечеству / Ницше Дионис / Турин, 1 января 1889*. То, что Н. говорит о «*восемь inedita*» целиком согласуется с тем, что в тот же день Н. затребовал из типографии назад «*Славу и вечность*», «*О бедности богатейшего*» же еще до следующего дня рассматривалась как концовка НСВ. То же, что Н. называет Мендеса «творцом «Изолины»», также дает нам точную хронологию. Как пишет Подах (NWZ, 372 f.), премьера «Изолины, принцессы фей» состоялась в Париже только 26 декабря 1888 г. Любимая газета Н. «*Journal des Débats*» с рецензией на премьеру вышла в номере от 31 декабря, напечатанном вечером 30-го. В Турине газета должна была оказаться на следующий день.

Для отправки в типографию рукопись ДД была подготовлена, очевидно, между 1 и 3 января. 3-го числа Н. отправил Козиме Вагнер записку следующего содержания: *Мне рассказывают, что некий божий скоморох сегодня днем закончил «Дионисовы дифирамбы»*.

Паяц – и только! Поэт – и только!

Ср. ПСС 4, с. 299–302 (Песнь уныния, 3).

В кругу дочерей пустыни

Ср. ПСС 4, с. 306–311 и комментарии.

ваших пожек ... еврейцу – в ТГЗ здесь была еще одна строка, переведенная у Голосовкера как «*впервые, право*».

... прочих дамочек – по сравнению с ТГЗ выпало *ältlichen* (у Голосовкера было переведено как «самочек староватых»). *еще раз рыкнем ... не могу иначе* – здесь, похоже, Голосовкер сперва пародирует песню «Дубинушка», а затем уже сам Н. пародирует Лютера. Ср. в ЕН, Почему я пишу такие хорошие книги, 2.

Пустыня ширится ... это ты – Ср.: ПСС 11, 28[4].

Последняя воля

Ср. ПСС 10, 20[11].

Меж коршунов

В Rs это стихотворение носило заголовок «*У пропасти*».

Огненный знак / Сигнальный огонь

Мы приводим два перевода этого стихотворения, поскольку они, в равной степени стремясь к точности и адекватности передачи оригинала, дают во многом разную и взаимодополняющую его интерпретацию. Смысловые различия начинаются с самого названия и продолжаются во второй же строке: «*камень-жертвенник обрывисто-высокий*» у Микушевича и «*за ночь взнесенный жертвенный камень*» у Карельского, причем корректными могут быть оба варианта, поскольку различия здесь обусловлены двумя разными способами передачи немецкого слова «*jäh*», означающего как «отвесный», так и «стремительный». В первой же строфе следует еще более существенное различие в передаче многозначного слова «*verschlagne*». *Verschlagen* – это либо прилагательное, означающее «хитрый, лукавый», либо причастие, образованное от глагола, имеющего среди проче-

го значение «уносить», «относить» (течением, волной). Соответственно у Микушевича мы видим «хитрых мореплавателей», а у Карельского – «заблудших пловцов» (что на первый взгляд объяснимее из образности стихотворения, но вступает в противоречие с поэтикой Н. в целом: «заблудший» – слишком христианское понятие, кроме того, Заратустра не занимается прозелитизмом, хотя «сигнальные огни» и могут вызвать ассоциации со спасительным маяком). Третье значительное разночтение касается того, чем именно хочет поймать Заратустра свое «седьмое одиночество». У Микушевича «высокогорный рыбак» «метнул крючок над головой» (что вернее, поскольку «Angel» – это удочка), у Карельского же он «к небесам забрасывает невод» (что тоже возможно, поскольку «Angel nach <etwas> werfen» в принципе может переводиться и как «расставлять сети»). В любом случае перед читателем два замечательных перевода, которые можно уподобить дереву с раздвоенным стволом, растущему из корней немецкого оригинала.

Садится солнце

Воздух так ... зачем? – черновой вариант: *воздух становится прохладен и чист; / уже бросает на меня ночь / искоса свой / соблазняющий взгляд: / и даже храброе сердце сомневается / и спрашивает: зачем?*

... отправляется в путь – черновой вариант: *вплывает в Ничто.*

Жалоба Ариадны

Ср.: ПСС 4, с. 254–256 (Чародей, 1).